

ПРЯМОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ КРИПКЕ*

Борисов Евгений

Васильевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. Российская Федерация, 634055, г. Томск, пр. Академический, 10/4. Национальный исследовательский Томский государственный университет. Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36; e-mail: borisov.evgeny@gmail.com

В статье предложено прямое решение проблемы скептицизма относительно значения, поставленной в работе Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке». Данное решение основано на «умеренном» решении проблемы, предложенном Ладовым. Решение Ладова состоит в демонстрации того факта, что тотальный скептицизм невозможен как теоретическая позиция, поскольку не может быть выражен без перформативного противоречия. Из этого следует, что как теоретическая позиция возможен только ограниченный скептицизм. В статье показано, что ограниченный скептицизм совместим с тезисом о существовании знания значений, если мы понимаем знание значений не как результат интерпретации речевого поведения, а как составную часть речевого акта.

Ключевые слова: значение, интерпретация, скептицизм относительно значения, Крипке, интроспекция, прямое решение проблемы Крипке

A STRAIGHT SOLUTION TO KRIPKE'S PROBLEM

Evgeny V. Borisov –

DSc in Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher. Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science. 10/4 Akademicheskyy Ave., Tomsk 634055, Russian Federation. National Research Tomsk State University.

The paper suggests a straight solution to the problem of meaning skepticism presented in Kripke's *Wittgenstein on Rules and Private Language*. The solution is based on Ladov's moderate solution to the problem. Ladov's solution is to the effect that the total skepticism cannot be a theory because it cannot be stated without performative contradiction. This entails that only a limited skepticism is possible as a theory. I argue that the limited skepticism is compatible with the view that meaning can be known provided the knowledge of meaning is construed as an internal part of a speech act, not as a result of interpretation of behavioral facts.

Keywords: meaning, interpretation, meaning skepticism, Kripke, introspection, the straight solution to Kripke's problem

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

36 Lenina Ave, Tomsk 634050,
Russian Federation;
e-mail: borisov.evgeny@
gmail.com

Введение

Данная статья посвящена проблеме скептицизма относительно значения, эксплицированной в знаменитой работе С. Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» [Kripke, 1982; Крипке, 2010]. Я попытаюсь обосновывать версию прямого решения проблемы, которая усиливает предложенное В.А. Ладовым [Ладов, 2023] «умеренное» решение. В первой части статьи я определяю две формы скептицизма относительно значения – ограниченный и тотальный; во второй части я показываю, что решение Ладова вместе с ограниченным скептицизмом позволяет предложить прямое решение проблемы.

1. Две формы скептицизма относительно значения

Допустим, я употребляю термины «сложение», «складывать», «плюс», «сумма», «суммировать» и т.п., а также знак «+» стандартным образом, т.е. так же, как это делает большинство носителей русского языка, и что я правильно решаю примеры на сложение натуральных чисел. Естественно предположить, что я использую слово «сложение» для обозначения сложения¹. Скептик Крипке ставит эту естественную гипотезу под сомнение, выдвигая альтернативную гипотезу, согласно которой я в прошлом всегда использовал слово «сложение» для обозначения другой бинарной операции на множестве натуральных чисел. Допустим, во всех парах чисел, которые я суммировал в прошлом, оба числа меньше 57. Тогда можно предположить, что я использую слово «сложение» для обозначения бинарной операции на множестве натуральных чисел, которую Крипке называет «квожением» (quaddition) и обозначает знаком $\oplus$, который предлагает приносить как «квус» (quus). Квожение определяется следующим образом: $x \oplus y = x + y$, если $x, y < 57$; $x \oplus y = 5$ в остальных случаях [Kripke, 1982, p. 9]. Это диковинное предположение мотивировано следующим образом: поскольку до сих пор я складывал только

¹ Здесь и далее для простоты сложение понимается как операция на множестве натуральных чисел.

числа, не превышающие 56, для каждой пары таких чисел сумма и «квумма» совпадают, но это значит, что все случаи, когда я применял операцию, которую называл «сложение», совместимы с двумя гипотезами: что под «сложением» я подразумеваю сложение и что под «сложением» я подразумеваю квожение. Конечно, одну из этих гипотез можно отбросить, если дать мне новый пример, в котором использовать как минимум одно число, которое не меньше 57. Например, если при применении той операции, которую я называю «сложение», к 68 и 57, я дам ответ 125, станет ясно, что под «сложением» я не имел в виду квожение. Но важно, что этот новый факт (вместе со всеми старыми) не покажет, что под «сложением» я имел в виду именно сложение: разумеется, легко сочинить еще одну бинарную операцию, отличную от сложения, но совместимую со всеми релевантными фактами, включая тот факт, что я утверждаю, что $68+57=125$. Что под «сложением» я в прошлом подразумевал сложение – это не более, чем одна из бесконечного множества возможных интерпретаций моего речевого поведения. Релевантных фактов всегда недостаточно для окончательного доказательства какой-либо интерпретации, т.е. для исключения всех альтернативных интерпретаций². Обобщая этот случай, мы получаем тезис ограниченного скептицизма: *фактов речевого поведения агента в прошлом недостаточно для выявления значения, которым агент наделял в прошлом слово «сложение»*³.

Ограниченный скептицизм сам по себе не интересен, поскольку он представляет собой частный случай тезиса, который едва ли кто-то станет оспаривать: тезиса о неопределенности эмпирических теорий фактами [Quine, 1968]. Любая эмпирическая теория представляет собой интерпретацию некоторого множества эмпирических фактов, однако любое множество эмпирических фактов допускает бесконечное разнообразие интерпретаций; эти интерпретации могут различаться по прагматическим характеристикам, однако ни одна из них не исключает остальные a priori. Это значит, что ни одна эмпирическая теория не может считаться окончательно доказанной. Интерпретация речи агента, т.е. ответ на вопрос, что он подразумевает под тем или иным выражением, – это эмпирическая теория, поскольку

² В этом рассуждении скептик Крипке в качестве релевантных фактов рассматривает только ответы, которые я давал (в прошлом) при вычислении того, что я называл суммой. Конечно, существуют релевантные факты иного рода: к ним относятся, например, мои речевые акты, в которых я давал этой операции определение или объяснял технику вычисления результата и т.п. Факты этого вида рассматриваются ниже.

³ По мнению Крипке, эта позиция высказана в параграфе 201 «Философских исследований» Витгенштейна [Витгенштейн, 1994, с. 163]. Вопрос о том, насколько обоснована эта интерпретация Витгенштейна, в данной статье не обсуждается.

она основана на наблюдении за речевым поведением агента. Значит, такого рода интерпретация всегда допускает альтернативы; приведенное выше рассуждение скептика Крипке представляет собой иллюстрацию этого тезиса.

Однако Крипке использует ограниченный скептицизм только как отправную точку для экспликации тотального скептицизма, который представляет собой серьезную философскую проблему, поскольку ставит под сомнение само существование речи. В книге Крипке аргументация скептика была развернута в два этапа: на первом этапе скептик обосновал ограниченный скептицизм; на втором он обобщил его до тотального скептицизма. Ограниченный скептицизм был развернут только применительно к значению слова «сложение» в моем словоупотреблении в прошлом. Мы понимаем аргументацию скептика, а некоторые из нас (в том числе я) находят ее убедительной. Необходимым условием понимания аргументации является понимание языка, на котором она изложена. На первом этапе нашей дискуссии со скептиком, говорит Крипке, мы говорим на одном языке, т.е. наделяем слова одними и теми же значениями; это относится, в частности, и к слову «сложение»: мы и скептик понимаем его (во время разговора) в смысле сложения. Пока скептик ставит под сомнение только одно: что я в прошлом (до разговора) понимал под «сложением» сложение [Kripke, 1982, p. 12]. Но на втором этапе скептик отбрасывает все условия, ограничивающие его скептицизм, т.е. распространяет его на все языковые выражения (не только «сложение»), все времена (не только прошлое) и всех агентов. В результате он получает тезис тотального скептицизма: *для любого агента, любого выражения и любого речевого акта не существует фактов, которые позволяли бы однозначно установить значение, которым данный агент наделяет данное выражение в данном речевом акте.* Основание для перехода к тотальному скептицизму очевидно: особенности моего употребления слова «сложение» в прошлом не использовались в обосновании ограниченного скептицизма, поэтому последний может быть распространен на всех агентов, все выражения и времена.

Нетрудно видеть, что тотальный скептицизм имеет катастрофическое следствие: мы – агенты речи – никогда не можем быть уверены относительно значений, которыми мы наделяем свои слова. Это значит, что мы не можем с уверенностью интерпретировать речь других, собственную речь в прошлом и даже собственную речь в настоящем. Но знание значений собственных слов (как минимум в настоящем) является существенной характеристикой любого речевого акта. Таким образом, тотальный скептицизм ставит под вопрос само существование речи. По классификации Крипке, для этой проблемы возможны два решения – прямое и скептическое [Ibid., p. 66]. Прямое решение состоит в опровержении скептической аргументации; скептическое – в демонстрации того факта, что тотальный скепти-

цизм совместим с существованием речи. Сам Крипке предложил определенную версию скептического решения; затем в литературе был предложен широкий спектр иных версий⁴. Ладов предлагает решение проблемы, которое он называет умеренным и которое не сводится ни к прямому, ни к скептическому [Ладов, 2023, с. 315–317]. На мой взгляд, это решение интересно тем, что может быть усилено до прямого решения⁵. В следующей части статьи я попытаюсь обосновать этот тезис.

2. Прямое решение

Итак, тотальный скептицизм ставит под вопрос само существование речи. Однако высказывания скептика на страницах работы Крипке представляют собой речевой акт, что порождает перформативное противоречие, подобное перформативному противоречию, содержащемуся в высказываниях типа «я не говорю по-русски», «я произношу не более семи слов в одной реплике» и т.п. Указание на это противоречие составляет суть предложенного Ладовым умеренного решения проблемы. Аргумент Ладова подобен аргументу из «Движения» Пушкина: «Движенья нет, сказал мудрец брадатый. // Другой смолчал и стал пред ним ходить». Отличие от пушкинской дискуссии состоит только в том, что, как показывает Ладов, брадатый скептик возражает себе сам, поскольку отрицает движение во время утренней пробежки. Показав, что тотальный скептицизм невозможно высказать без перформативного противоречия, Ладов, однако, не пытается доказать противоположный тезис – тезис о возможности знания значений (поэтому он называет свое решение умеренным).

На мой взгляд, умеренное решение Ладова можно усилить следующим образом. Мы (люди) либо говорим, либо нет. Если мы не говорим (даже если производим звуки и секвенции букв), то дискуссия не может быть продолжена, потому что она еще не началась. Если же мы говорим, то давайте обратим внимание на тот факт, что речевой акт отличается от производства звуков или букв тем, что агент 1) наделяет свои слова значениями, 2) достоверно знает, какими значениями он наделяет свои слова. Таким образом, если речевые акты существуют, то существует и знание значений агентами речи. Здесь важно подчеркнуть, что это знание не является результатом интерпретации (собственного или чужого) речевого поведения, т.е. результатом

⁴ Детальный анализ решения Крипке дан в монографии Суровцева и Ладова [Суровцев, Ладов, 2008]; обстоятельный обзор представленных в литературе решений дан в монографии Ладова [Ладов, 2023].

⁵ Предварительная версия этого решения была представлена в [Борисов, 2010].

интерпретации фактов. Этот тезис нейтрализует аргумент скептика Крипке: скептик исходит из посылки, что знание агентом значений его слов базируется на определенной интерпретации его речевого поведения, но эта посылка неверна.

Знание агентом значений, которыми он наделяет свои слова, можно рассматривать как разновидность интроспекции, но важно учитывать, что эта интроспекция не является источником эмпирических фактов, подобно наблюдению за собственными переживаниями или воспоминаниям о своих прошлых переживаниях. Здесь будет уместно различить два вида интроспекции: обозначим их «интроспекция₁» и «интроспекция₂». Интроспекция₁ – это источник эмпирических данных о собственном сознании; интроспекция₂ – это знание о значениях как составная часть речевого акта. Интроспекцию₂ не следует понимать в том смысле, что агент наблюдает свой собственный акт наделения слов значениями: в этом случае интроспекция₂ была бы разновидностью интроспекции₁. Интроспекция₂ не является результатом наблюдения за какими-либо действиями агента; при этом она является неотъемлемой частью этого акта. Интроспекция₁, как и любой источник эмпирических данных, не дает достоверного знания; именно на этом основании скептик Крипке отвергает апелляции к ней [Kripke, 1982, p. 14]. Но интроспекция₂ не является источником эмпирических данных, поэтому против нее скептическая аргументация (во всяком случае, аргументация скептика Крипке) не действует.

Итак, допущение непосредственного и достоверного знания агентом значений, которыми он наделяет собственные слова, соответствует интуитивному пониманию речи и устойчиво к скептической аргументации (как минимум к аргументации скептика Крипке). Поэтому это допущение может представлять собой прямое решение скептической проблемы. Резюмируем его в следующих четырех тезисах:

(1) Допустим, агент осуществил речевой акт, в котором использовал некоторое выражение *e* в некотором значении *m*. Назовем факты речевого поведения агента в прошлом, а также факты речевого поведения других членов языкового сообщества, к которому принадлежит агент, внешними (по отношению к данному речевому акту). Скептик Крипке прав в том, что знание каких бы то ни было внешних фактов не обеспечивает достоверность тезиса, что под *e* агент подразумевал именно *m*. Пример «плюс vs вкус» показывает, что возможны альтернативные интерпретации данного речевого акта, совместимые с любым множеством внешних фактов.

(2) Вопреки скептику Крипке, из этого не следует, что достоверное знание агентом тех значений, которыми он наделяет свои слова, невозможно. Факт существования речи свидетельствует, что такое знание имеет место; при этом тезис (1) показывает, что это знание

не является эмпирической теорией, т.е. не базируется на интерпретации внешних фактов.

(3) Скептик Крипке, опять же, прав в том, что интерпретация речи других и своей речи в прошлом всегда сомнительна, поскольку представляет собой эмпирическую теорию. Это вполне убедительно показано в ряде теорий естественного языка, таких как теория радикального перевода Куайна [Quine, 1960], теория радикальной интерпретации Дэвидсона [Davidson, 2001] и др.

(4) Однако знание агента о том, что он подразумевает под своими словами, достоверно, поскольку не является эмпирической теорией, а значит, не базируется на интерпретации каких бы то ни было внешних фактов, в том числе воспоминаний агента о своем речевом поведении в прошлом. Это обстоятельство нейтрализует аргумент скептика Крипке.

Покажем, как предложенное решение позволяет ответить на вопросы, которые ставит скептик Крипке. В начале своего рассуждения скептик ставит два вопроса применительно к дилемме «плюс vs квус»: 1) Существует ли факт, показывающий, что в прошлом я подразумевал под «сложением» сложение? 2) Обоснован ли мой ответ «125» в примере «68+57»? [Kripke, 1982, p. 11]. Если предложенное выше решение проблемы верно, то ответ на первый вопрос таков: факта, показывающего, что в прошлом агент под «сложением» подразумевал сложение, не существует, однако из этого не следует, что агент не знает, какими значениями он наделяет свои слова. Это позволяет дать следующий ответ на второй вопрос скептика Крипке: *Мое утверждение «68+57=125» вполне обосновано тем значением, которое я придаю знаку «+» и которое мне известно.* Назовем этот тезис тезисом прямого решения (применительно к значению «сложения»). Стандартное значение «сложения» – это бинарная операция на множестве натуральных чисел. Эта операция может быть определена по-разному. Рассмотрим в качестве примера следующее рекурсивное определение. Пусть дано множество натуральных чисел, содержащее 0 и построенное посредством функции «следующее за» (будем обозначать число, следующее за x , как x'); тогда для любых натуральных чисел x и y мы имеем $x+0=x$ и $x+y'=x+y$. Эти два равенства определяют результат применения операции сложения к любой паре чисел, поэтому они образуют определение этой операции⁶. В частности, из этого определения следует, что $68+57=125$, что позволяет дать следующий ответ на второй вопрос скептика Крипке: если я понимаю «сложение» в смысле данного рекурсивного определения, то мой ответ «125» обоснован значением «сложения» в моей речи.

⁶ Полное определение сложения на множестве натуральных чисел включает также аксиоматическое определение равенства и функции «следующее за» [Mendelson, 2010, p. 149–150].

Рекурсивное определение сложения и релевантные арифметические теоремы допускают многообразные применения в полемике со скептиком Крипке. Например, Теннант ставит коррелятивный вопрос «из чего следует, что $68+57 \neq 5$?» и отвечает на него следующим образом: 1) Используя построение множества натуральных чисел и рекурсивное определение сложения, мы доказываем теорему, что для любого натурального числа n существует $n+1$ пар чисел, сумма которых равна n . 2) Применяя эту теорему к 5, мы получаем, что существует шесть пар чисел, дающих в сумме 5. 3) Мы убеждаемся, что следующие шесть пар чисел имеют указанное свойство: (0, 5), (1, 4), (2, 3), (3, 2), (4, 1), (5, 0). 4) Из этого следует, что для любой другой пары чисел (x, y) , $x+y \neq 5$; в частности, это относится к паре (68, 57) [Tennant, 1997, p. 110–112]. Все такого рода аргументы сводятся к использованию теорем той или иной арифметической теории при условии, что агент использует термин «сложение», как он определяется в данной теории⁷. Кроме того, подобные аргументы (аргументы в пользу равенства « $68+57=125$ » и неравенства « $68+57 \neq 5$ ») могут базироваться на неформальных определениях сложения, которые мы используем в повседневной жизни: на определении через систему правил сложения в столбик или через технику подсчета элементов той или иной совокупности объектов и т.п.

Конечно, у скептика Крипке есть ответ на такие аргументы. Он отвечает на них стандартным для него (и для скептицизма вообще) образом: ставя под сомнение определенность терминов, используемых в определениях сложения [Kripke, 1982, p. 15–17]. В частности, в данном выше рекурсивном определении сложения использовались предикат равенства, универсальный квантор и функция «следующее за»: каждое из этих понятий может получить нестандартную интерпретацию. В частности, скептик Крипке предлагает нестандартную интерпретацию равенства и универсального квантора [Ibid., p. 12–13 (fn. 12)], которые позволяют доказывать нестандартные теоремы вроде « $68+57=5$ » и « $68+57 \neq 125$ ». Ладов дополняет этот ответ скептика Крипке, предлагая также нестандартную интерпретацию функции «следующее за» [Ладов, 2023, с. 313], что открывает возможности для нестандартных интерпретаций числового ряда. Однако эти ответы предполагают расширение скептицизма: чтобы отстоять нестандартную интерпретацию слова «сложение», скептику придется подвергать нестандартной интерпретации слова «равенство», «всеобщность», «следующее за» и т.п. Следующий виток дискуссии нетрудно предугадать: чтобы отстоять нестандартную интерпретацию упомянутых слов, скептику придется дать нестандартную интерпретацию для еще более широкого фрагмента языка – и т.д. Конечно, все нестандартные интерпретации такого рода могут быть

⁷ Подобный взгляд высказывает, например, Пикок [Peakocke, 1992, p. 137–141].

совместимы со всем массивом данных о речевом поведении агентов. Однако процесс расширения скепсиса ведет к тотальному скептицизму, который, как показывает Ладов, не допускает внятного выражения, а значит, должен где-то остановиться. Но это значит, что на каком-то этапе дискуссии мы принимаем знание значений как данность, не сводимую к интерпретации речевого поведения; тем самым мы принимаем прямое решение проблемы скептицизма.

Заключение

Обоснованность ограниченного скептицизма относительно значения не вызывает сомнений, поскольку сводится к хорошо известному тезису о недоопределенности эмпирических теорий фактами. Ограниченный скептицизм применим к любому выражению в речи любого агента, и тем не менее, как показывает Ладов, ограниченный скептицизм не допускает обобщения до тотального скептицизма. Это значит, что в определенных пределах мы – агенты речи – имеем достоверное знание о значениях, которыми наделяем собственные слова. В сочетании с ограниченным скептицизмом этот результат показывает, что достоверное знание значений является не результатом интерпретации речевого поведения агента, а составной частью речевого акта. В этом состоит предложенное прямое решение проблемы скептицизма относительно значения.

Список литературы

Борисов, 2010 – *Борисов Е.В.* Проблема Крипке и ее прямое решение // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4 (12). С. 5–14.

Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть I / Сост., вступит. ст., примеч. М.С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.

Крипке, 2010 – *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. В.А. Ладова и В.А. Суровцева под общ. ред. В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2010. 151 с.

Ладов, 2023 – *Ладов В.А.* Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 336 с.

Суровцев, Ладов, 2008 – *Суровцев В.А., Ладов В.А.* Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: ТГУ, 2008. 134 с.

References

Borisov, 2010 – Borisov E.V. “Problema Kripke i ejo prjamoje reshenije” [Kripke’s Problem and its Straight Solution]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sotsiologija. Politologija* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, and Political Science], 2010, no. 4 (12), p. 5–14. (In Russian).

Davidson, 2001 – Davidson, D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford: Clarendon Press, 2001.

Kripke, 1982 – Kripke, S. *Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.

Kripke, 2010 – Kripke, S. *Vitgenshtein o pravilakh i individual’nom jazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language], trans. by V.A. Ladov and V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+, 2010, pp. 206–254. (Trans. into Russian)

Ladov, 2023 – Ladov, V.A. *Ilyuziya znacheniya: Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoj filosofii* [The Illusion of Meaning: The Rule-Following Problem in Analytic Philosophy]. Moscow: Kanon+, 2023. (In Russian)

Mendelson, 2010 – Mendelson, E. *Introduction to Mathematical Logic*. Boca Raton: Chapman & Hall/CRC, Taylor & Francis Group, 2010.

Peacocke, 1992 – Peacocke, C. *A Study of Concepts*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992.

Quine, 1960 – Quine, W.V.O. *World and Object*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1964.

Quine, 1968 – Quine, W.V.O. “Ontological Relativity”, *The Journal of Philosophy*, 1968, vol. LXV, no. 7, pp. 185–212.

Surovtsev, Ladov, 2008 – Surovtsev, V.A., Ladov, V.A. *Vitgenshtein i Kripke: sledovanije pravilu, skepticheskij argument i tochka zrenija soobshchestva* [Wittgenstein and Kripke: Rule Following, Skeptical Argument, and the Point of View of Community]. Tomsk: Tomsk State University, 2008. (In Russian)

Tennant, 1997 – Tennant N. *The Taming of the Truth*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Wittgenstein, 1994 – Wittgenstein L. *Filosofskije issledovanija* [Philosophical Investigations], in: Wittgenstein L. *Filosofskije raboty* [Philosophical Works]. Chast’ I (Part I). Moscow: Gnosis, 1994, pp. 75–319. (Trans. into Russian)